

Баобао недовольно посмотрел на своего дядюшку.

— Даже если он не считает меня племянником, нельзя же полностью игнорировать мое присутствие!

Чжоу Цзыцянь, едва переступив порог, почувствовал, как его окутал горячий аромат бульона, и невольно сморщился.

— Юньси.

Е Тао обернулся на звук голоса, его выражение лица оставалось таким же спокойным, как всегда.

— Вернулся.

Чжоу Цзыцянь сказал:

— Хватит играть, пошли домой.

Е Тао ответил:

— Я не играю.

Он снял белую ткань с теста и спросил стоящего рядом мастера Хоу:

— Тесто уже подошло?

Мастер Хоу посмотрел на Чжоу Цзыцяня, словно хотел что-то сказать, но промолчал.

Е Тао взял у него в руки фарш и сказал:

— Раскатывай тесто, я займусь начинкой, так ведь?

Мастер Хоу снова обменялся взглядом с дядюшкой Чжоу, но так и не заговорил.

Е Тао больше не стал спрашивать. Погрузившись в приготовление фарша, он начал выпроваживать гостя:

— Дядя, идите домой. Ваше присутствие всех смущает.

Сяо Чэн подернул уголком рта.

«А ты думаешь, что твое присутствие никого не смущает?»

Чжоу Цзыцянь в конце концов не стал спорить с Е Тао, но и сам не ушел. Пока Е Тао неспешно занимался своими делами, он просто наблюдал за ним. Дядюшка Чжоу, увидев это, выгнал всех посторонних.

Это же не цирковое представление, зачем столько зрителей?

Е Тао сделал не так много вантонов, всего около двадцати штук. Тесто было приготовлено мастером Хоу, тонкое и равномерное, но начинка, которую положил Е Тао, была распределена неравномерно, поэтому вонтоны получились разного размера. Их внешний вид можно было назвать аккуратным, но красивыми они не были.

Когда вонтоны были готовы, Е Тао хотел сам их сварить, но прежде чем Чжоу Цзыцянь успел что-то сказать, Сяо Чэн остановил его:

— Пусть мастер Хоу сделает это, а то вы можете обжечься.

Е Тао не стал настаивать, спокойно отошел в сторону. Сяо Чэн нашел чистое белое полотенце, намочил его и протянул Е Тао, но его перехватил стоящий рядом мужчина.

Чжоу Цзыцянь сначала вытер пот с лица Е Тао, затем взял его руку и очистил от муки, улыбаясь:

— Что это за представление?

— Как вы думаете?

Выражение лица Е Тао оставалось спокойным, как всегда, только его обычно бледное лицо слегка покраснело от жары на кухне, а волосы на лбу слегка намокли от пота, прилипнув к вискам.

Чжоу Цзыцянь не знал, что с ним произошло, но лицо, которое он видел каждый день, в последнее время казалось ему необычайно приятным. Он не удержался и нежно провел пальцем по кончику носа Е Тао, улыбаясь:

— Услуга за услугу?

Е Тао ответил:

— Скорее, благодарность за заботу.

На этот раз даже Сяо Чэн рассмеялся:

— Молодой господин вас очень любит.

Баобао, лежащий на пороге, закатил глаза.

«Всего лишь миска вантонов, и столько разговоров о человеческих отношениях».

Начинка для вантонов и бульон были приготовлены мастером, поэтому вкус был, конечно, хорош, только в такую жару есть это, казалось, было не очень уместно. Даже Е Тао вспотел.

Баобао потянул лапкой за штанину Е Тао, тот опустил взгляд и увидел, что в маленькой миске лежат две оболочки от вантонов, а начинку уже съел прожорливый кот.

Е Тао положил ему еще один вантон:

— Ешь вместе с оболочкой.

Баобао сделал вид, что не понимает, и продолжил выковыривать начинку. Пока другие ели вонтоны, он наслаждался фрикадельками.

Е Тао хотел, чтобы через такие мелочи Чжоу Цзыцянь лучше увидел, как его племянник растет. Однако первыми словами Чжоу Цзыцяня после того, как он отложил палочки, были:

— Говори, что ты еще задумал?

Баобао подумал:

«Я же говорил! Он точно подумает, что у тебя есть скрытые мотивы, хотя они у тебя действительно есть, но ты просто перестарался».

Е Тао сохранял спокойное выражение лица, и нельзя было сказать, что он расстроен:

— Ничего. Просто считайте, что я объелся.

Чжоу Цзыцянь промолчал.

Баобао оставил недоеденную фрикадельку и прыгнул на колени Чжоу Цзыцяня, прижавшись мордочкой к его груди.

Племянник хотел утешить дядю, но тот не оценил. Чжоу Цзыцянь, уже привыкший к таким выходкам племянника, схватил его за загривок и поставил на пол.

Котенок с обидой смотрел на дядю, который не ценил его, и увидел, как тот улыбался тому самозванцу с нежностью и теплотой, нежно щипая его за мочку уха:

— Ты всерьез? Дядя просто шутил.

Самозванец, как обычно, оставался невозмутимым:

— Нет. Я просто подыгрывал вам.

Баобао начал царапать когтями, каждая шерстинка на его теле словно кричала:

«Не заставляйте меня вас поцарапать!»

Е Тао наклонился, взял Баобао на руки и погладил его:

— Дядя, помогите мне искупать Баобао?

Чжоу Цзыцянь взглянул на черного котенка и согласился, хотя делал это скорее ради Е Тао. К счастью, он не показал этого слишком явно, и Баобао немного успокоился.

На десятый день после того, как Чжоу Юньян уехал из дома, Е Тао встретил его мать, Сюй Маньнин. Она собиралась уходить, а Е Тао отдыхал в тени навеса во дворе. Когда коляска проехала через лунные ворота, Е Тао машинально посмотрел в ту сторону, и их взгляды случайно встретились. Е Тао слегка удивился.

Сюй Маньнин вела еще более уединенный образ жизни, чем младший господин Чжоу. Е Тао жил в доме Чжоу уже почти полгода, и это была их первая встреча. До этого Е Тао видел только фотографию, которую прислал Ло Дун, чтобы он мог узнать Сюй Маньнин, если встретит ее. Но даже так Е Тао едва узнал ее.

Женщина в коляске была худой и бледной, с мрачным выражением лица. Хотя ее одежда и волосы были аккуратно уложены, это не могло скрыть ее усталости и изможденности. Сюй Маньнин перед ним и женщина с улыбкой на фотографии выглядели как два разных человека.

— Молодой господин, — служанка позади Сюй Маньнин поздоровалась с Е Тао и остановила коляску у каменного стола, где он сидел.

Ворота с резными украшениями были высокими, и с обеих сторон были ступеньки, поэтому коляску нельзя было протолкнуть. Служанке пришлось сначала высадить Сюй Маньнин, а потом вынести коляску за ворота.

Сяо Чэн был рядом и поливал цветы. Если бы Е Тао не был во дворе, он бы помог вынести Сюй Маньнин, это было бы несложно, но Е Тао был рядом, и Сяо Чэн решил не вмешиваться.

Е Тао до сих пор не понимал, почему семья Чжоу позволила Сюй Маньнин войти в дом после смерти Чжоу Цзыциня. Ее положение было настолько неудобным, что об этом даже неловко было говорить с посторонними.

Служанка посадила Сюй Маньнин на каменную скамейку, вынесла коляску за ворота. Е Тао опустил взгляд на Баобао, который царапал его штанину, попытался понять, что он хочет, и взял его на руки, зайдя в дом.

Взгляд Сюй Маньнин последовал за ним, ее темные, мрачные глаза не выражали никаких эмоций, но вызывали сильный дискомфорт.

Е Тао принес компьютер в спальню, включил его и открыл пустой документ, сказав Баобао:

— Говори.

Баобао сел перед компьютером и начал печатать одной лапкой:

[Она больна, иногда у нее не все в порядке с головой. Дядя боится, что она может причинить мне вред, поэтому не позволяет мне приближаться к ней. Мы даже почти не разговаривали. Тебе лучше держаться от нее подальше, иначе это может вызвать вопросы.]

Е Тао помолчал несколько секунд, прежде чем сказать:

— Баобао, я не хочу тебя ранить, но сейчас я живу твоей жизнью, и некоторые вещи нужно прояснить.

Баобао долго молчал, потом поднял лапку и нажал на клавиши:

[Она хочет, чтобы я умер, тогда ее сын сможет получить наследство, оставленное моим отцом. Моя смерть связана с ними, но это не только их вина. Я сам выбрал этот путь, меня никто не заставлял.]

Наконец, они добрались до больного места Баобао. Е Тао погладил его по голове. Баобао понимал, что если он не хочет говорить, Е Тао не будет настаивать. Но некоторые слова слишком долго копились внутри, почти превратившись в душевную рану, и это было нелегко.

Раз уж начали, то нужно сказать все. Е Тао, хоть и был немногословен и редко улыбался, обладал талантом быть «жилеткой». Он был отличным собеседником, и Ло Дун это хорошо понимал. За полгода общения Баобао тоже это почувствовал. Он собрался с мыслями и начал рассказывать, с остановками, о том, что произошло.

Люди, страдающие хроническими болезнями, боятся зимы, и Чжоу Юньси не был исключением. Каждый год, как только становилось холоднее, Чжоу Цзыцинь запрещал ему выходить из дома. Ему приходилось проводить всю зиму в четырех стенах, и даже так он часто болел. Перед тем как утонуть, он уже две недели лечился от простуды и кашля. Плохое здоровье делало его раздражительным, он был всем недоволен, ни с кем не хотел общаться и

постоянно хотел срываться. Он знал, что это неправильно, но не мог контролировать свое раздражение и тревогу.

<http://bllate.org/book/17687/1650195>